

The book cover features a man with long dark hair in a dark blue ornate coat and a woman with long blonde hair in a shimmering blue gown. They are positioned in the foreground, looking towards the right. In the background, a large dragon with dark scales and glowing orange wings is perched on a rocky cliff. To the right, a tall, multi-tiered lighthouse with a glowing lantern sits on a rocky island, surrounded by crashing waves. The sky is a mix of dark clouds and golden light from the setting or rising sun.

АЛЕКС СКАЙ

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

МАЯК ДЛЯ ЕГО
ОТВЕРГНУТОЙ ИСТИННОЙ

Алекс Скай

**Развод с драконом. Маяк для
его отвергнутой истинной**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод с драконом. Маяк для его отвергнутой истинной /
А. Скай — «Автор», 2026

Лиару Рейвар вызвали к Чёрному Пламени не для разговора — для казни её брака. Её муж, Каэл Ардан Рейвар, глава рода огненных драконов, при всём Совете объявляет: их истинная связь мертва. Старейшины уже вынесли решение. Свекровь ждёт, когда Лиара исчезнет. Другая женщина готова занять её место рядом с драконом. Лиаре оставляют только старый ключ, письмо отца и заброшенный маяк Серебряный Огонь на северной границе — место, которое все считают бесполезным, проклятым и давно мёртвым. Она уходит без слёз. Без милости. Без просьб вернуться. И в тот же миг Чёрное Пламя рода Рейваров гаснет впервые за триста лет. Теперь Каэл должен найти бывшую жену, которую сам отверг. Но Лиара больше не та женщина, которую можно вернуть приказом. У неё появился свой дом, свой свет и тайна, способная разрушить ложь драконьих родов. А связь, которую Каэл назвал мёртвой, вдруг отвечает не ему — а его сыну.

Содержание

Глава 1. Развод у Чёрного Пламени	5
Глава 2. Маяк на краю драконьих земель	13
Глава 3. Дом для тех, кого не ждут	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алекс Скай

Развод с драконом. Маяк для его отвергнутой истинной

Глава 1. Развод у Чёрного Пламени

Лиара поняла, что её брак казнят, ещё до того, как Каэл произнёс первое слово.

Не по взглядам старейшин. Они всегда смотрели на неё так, будто она была трещиной на дорогом кубке: терпимой, пока не бросается в глаза гостям.

Не по шёпоту на верхних ярусах. Шёпот в зале Совета Чёрного Пламени жил собственной жизнью, как сквозняк в склепе, и обычно нёс одно и то же: чужие имена, чужие ошибки, чужие падения.

Она поняла по Каэлу.

Он стоял у чаши рода Рейваров в чёрном церемониальном камзоле, расшитом тёмно-красной нитью, и ни разу не посмотрел ей в глаза.

Вот и всё.

Три года брака, семь родовых праздников, одна зима, когда она грела ладони у его огня и верила, что дракон может быть домом, если сам так решит, — всё это закончилось не криком, не изменой, не ударом.

Отсутствием взгляда.

Лиара стояла в центре чёрного круга, выложенного из гладкого обсидиана. По его краю тянулись тонкие огненные жилы — не красные, не золотые, а угольно-тёмные, как пламя, которое научилось гореть без света. Вокруг поднимались семь ярусов Совета. Старейшины в тяжёлых мантиях сидели выше неё, как судьи над тем, что давно решили без вопроса.

Над всем залом висела чаша Чёрного Пламени.

Она не стояла на постаменте. Она парила в воздухе над каменным кругом, огромная, тёмная, с острыми краями, похожими на раскрытые драконьи крылья. Внутри горело пламя рода Рейваров — древнее, густое, чёрное у основания и алое по краям. Говорили, оно не гасло триста лет. Говорили, пока оно горит, род Рейваров не может быть сломлен.

Лиара раньше верила таким словам.

Теперь смотрела на огонь и думала, что самые крепкие клятвы часто нужны тем, кто привык ломать других.

— Лиара Эйвен-Рейвар, — произнёс верховный старейшина Даррон Вейл.

Его голос прошёл по залу ровно, без злобы. В этом и была особая жестокость Совета: они умели уничтожать человека так, будто просто зачитывали погоду на завтрашний день.

Лиара подняла голову.

— Я здесь.

На нижнем ярусе кто-то усмехнулся.

Она не повернулась.

Она знала, кто это.

Леди Марисса Вейн сидела справа от Велории Рейвар, матери Каэла. Марисса была безупречна. Светлые волосы уложены так гладко, будто ни одна мысль не смела выбиться наружу. Лицо тонкое, красивое, спокойное. На плечах — серебристо-красная накидка дома Вейн, одного из тех родов, что всегда умели оказаться рядом с властью прежде, чем власть сама понимала, что ей нужна опора.

Марисса не улыбалась открыто.

Она была слишком хорошо воспитана для такого.
Но её присутствие говорило громче любой улыбки.

Лиару сегодня не просто выгоняли.

Ей показывали, кем её заменят.

Даррон Вейл перевёл взгляд на Каэла.

— Каэл Ардан Рейвар, глава рода огненных драконов, вы вызвали Совет Чёрного Пламени для рассмотрения брачной клятвы между вами и Лиарой Эйвен-Рейвар. Подтверждаете ли вы своё требование?

Каэл поднял голову.

Вот теперь он посмотрел на неё.

И лучше бы не смотрел.

Лиара ожидала холодности. Гнева. Раздражения. Может быть, даже презрения, которым Велория так щедро угощала её все три года.

Но в глазах Каэла было другое.

Усталость.

Та самая усталость, с которой человек закрывает дверь в комнату, где слишком долго пахло дымом, и убеждает себя: внутри уже нечего спасать.

— Подтверждаю, — сказал он.

Одно слово.

Зал принял его с жадной тишиной.

Лиара почувствовала, как брачный браслет на её запястье стал холоднее. Узкое кольцо из тёмного драконьего золота, сплетённое с тонкой серебряной нитью её рода, когда-то было тёплым. В первый день брака оно будто дышало на коже. Каэл сам надел его ей на руку у чаши огня и сказал так тихо, что услышала только она:

“Теперь, если ты потеряешься в темноте, мой огонь найдёт тебя”.

Она тогда поверила.

Глупая девочка.

Нет, не девочка. Она не станет унижать прошлую себя только потому, что другие сделали это за неё.

Она была женщиной, которая хотела быть любимой.

Это не преступление.

— Озвучьте причину, — велел Даррон.

Каэл сделал шаг к чаше. Тёмное пламя осветило его лицо снизу, подчеркнуло резкую линию скул, чёрные волосы, собранные у затылка, жёсткий изгиб губ. Он был красив той опасной красотой, из-за которой придворные девушки забывали дышать, а старшие лорды помнили о вежливости. В нём было всё, что драконы роды называли силой: кровь, огонь, власть, имя, право приказывать.

И сегодня он использовал всё это, чтобы отказаться от неё.

— Моя истинная связь с Лиарой Эйвен мертва, — произнёс Каэл.

В зале кто-то тихо ахнул.

Лиара не двинулась.

Внутри неё что-то оборвалось не сейчас. Раньше. Возможно, в тот день, когда он перестал заходить в её покои без формального стука. Возможно, когда Велория распорядилась перенести её место за столом дальше от Каэла “из соображений порядка”. Возможно, когда её перестали допускать к родовой чаше под предлогом слабости её крови.

Но это слово — мертва — всё равно вошло под рёбра.

Не крикнуло.

Не разорвало.

Просто легло внутрь тяжёлым камнем.

— Связь не отвечает на зов рода, — продолжил Каэл. — Брачный огонь не принимает её присутствия. Совет старших хранителей подтвердил: клятва повреждена и более не служит роду Рейваров.

“Не служит”.

Лиара чуть повернула голову.

Велория Рейвар сидела неподвижно. Высокая, тонкая, с серебряными волосами и лицом женщины, которая за всю жизнь ни разу не позволила боли испортить осанку. На её горле горел рубиновый знак Рейваров — маленькое алое пламя в когтях дракона.

Велория смотрела на Лиару так, как смотрят на пятно, которое наконец удалось вывести.

— Лиара Эйвен-Рейвар, — сказал Даррон, — вы слышали заявление супруга. Признаёте ли вы смерть истинной связи?

Супруга.

Как осторожно они держались за слово до последнего мига, чтобы сорвать его с неё торжественно.

Лиара подняла руку и коснулась браслета.

— Нет.

Шёпот на ярусах вспыхнул сразу.

Даррон прищурился.

— Вы отрицаете показания главы рода?

— Я отрицаю то, что моя связь мертва.

Каэл резко посмотрел на неё.

Вот теперь в его глазах появился гнев.

Хорошо.

Гнев хотя бы был живым.

— Лиара, — сказал он тихо.

В этом “Лиара” было предупреждение.

Сколько раз она слышала его за последние месяцы? Не делай хуже. Не спорь при старших. Не заставляй меня выбирать. Не задавай вопросов, на которые мне невыгодно отвечать.

Она устала быть удобной тишиной между чужими решениями.

— Что, Каэл? — спросила она. — Мне нужно признать смерть того, что никто даже не попытался услышать?

На верхних ярусах зашумели громче.

Даррон ударил посохом по камню.

— Тишина.

Пламя в чаше дрогнуло.

Лиара заметила это.

Даррон тоже заметил.

Его пальцы на посохе сжались.

— Брачная клятва проверялась трижды, — сказал он. — Чёрное Пламя не ошибается.

— Кто держал чашу при проверке?

— Старшие хранители.

— Те же, кто с самого начала считал мой род недостаточно сильным для Рейваров?

Велория встала.

Ей не нужно было повышать голос.

— Лиара, вы забываетесь.

От этого спокойного “вы” Лиаре стало почти смешно.

Три года Велория могла назвать её “дочерью” только при гостях. В остальных случаях она говорила “Лиара”, когда хотела резать мягко, и “вы”, когда резала публично.

— Нет, леди Рейвар, — ответила Лиара. — Я наконец вспоминаю себя.

На нижнем ярусе Марисса Вейн впервые подняла взгляд.

Каэл сделал ещё один шаг.

— Не превращай это в позор.

Лиара посмотрела на него.

— В чей?

Он замолчал.

На миг в его лице мелькнуло что-то, что раньше могло бы заставить её остановиться. Боль. Или её тень. Но тени недостаточно, когда тебя выводят к чёрному кругу и называют мёртвой при живом сердце.

Даррон Вейл развернул свиток.

— Совет изучил свидетельства. Род Эйвен не обладает достаточной огненной глубиной для восстановления связи. Брачный союз признан истощённым. Дальнейшее пребывание Лиары Эйвен в статусе супруги главы рода Рейвар может повредить стабильности родового пламени, наследному праву и будущему союзу дома.

Будущему союзу.

Вот оно.

Лиара не посмотрела на Мариссу.

Не даст им этого удовольствия.

— Совет поддерживает требование Каэла Ардана Рейвара о расторжении брачной клятвы, — продолжил Даррон. — Лиаре Эйвен будет возвращено девичье имя, личные вещи, не имеющие отношения к роду Рейвар, и наследство, указанное в посмертном письме Арвена Эйвена.

Сердце Лиары болезненно сжалось.

Отец.

Его имя в этом зале прозвучало чужим. Слишком сухим. Так, будто Арвен Эйвен был не человеком, который учил её различать голоса ветра у берега, а строкой в архиве.

— Наследство? — спросила она.

Даррон сделал знак писцу.

К чёрному кругу подошёл молодой служитель с подносом. На подносе лежали три вещи.

Запечатанное письмо.

Старый железный ключ.

И маленькая плоская шкатулка.

Лиара узнала печать отца сразу: раскрытый маячный огонь над волной.

Пальцы задрожали, но она не позволила руке сорваться к письму слишком быстро. Здесь каждое движение читали как слабость.

— Арвен Эйвен оставил дочери право владения маяком Серебряный Огонь на северной границе, — сказал Даррон. — Место заброшено, хозяйственной ценности почти не имеет. Ключ передаётся вам. Также возвращается личная вещь вашей матери.

Почти не имеет ценности.

Конечно.

Они ведь никогда не признавали ценность того, что не могло склониться перед их огнём.

Лиара взяла ключ.

Холодный металл лёг в ладонь. Головка ключа была выполнена в форме маяка: тонкая башня, вокруг которой поднимались две волны, а наверху — маленькое пламя. От прикосновения внутри ключа будто мелькнуло серебро.

Лиара вздрогнула.

Совсем чуть-чуть.

Каэл заметил.

Его взгляд сразу стал внимательнее.

Поздно.

Шкатулку она открыла прямо в круге. Внутри лежал простой перстень из тёмного серебра с голубоватым камнем. Перстень матери. Лиара помнила его на руке женщины, чей голос давно стал для неё не звуком, а теплом из детских снов.

Письмо она не открыла.

Не здесь.

Не перед ними.

— Вам будет выделен дорожный экипаж до северной заставы, — сказал Даррон. — Дальше вы распорядитесь собой самостоятельно.

Слово “самостоятельно” в его устах звучало как приговор.

Велория добавила:

— Род Рейвар не оставляет вас без милости. Вам предложено годовое содержание, если вы подпишете отказ от любых притязаний на имя, огонь и наследные решения Каэла.

Лиара подняла голову.

— Милость?

— Разумное обеспечение, — уточнила Велория. — При вашем положении это щедро.

Сена, старая няня из её детства, сказала бы, что щедрость, которую сначала кладут в клетку, пахнет плохо.

Но Сены здесь не было.

Зато была Лиара.

— Я не возьму содержание.

Велория чуть приподняла брови.

— Гордость плохо греет на северной границе.

— Зато не требует подписи.

На ярусах снова зашумели.

Марисса Вейн смотрела на Лиару уже без улыбки.

Каэл шагнул к самому краю круга.

— Не будь глупой.

Слова ударили неожиданно.

Не потому, что были жестокими. Он говорил и хуже. В последние месяцы они оба учились ранить осторожно, чтобы не оставлять следов для слуг.

Но сейчас в его голосе было что-то почти прежнее. Не забота. Её обломок.

Лиара повернулась к нему.

— Глупой?

— Ты не знаешь север. Маяк пуст. Земли вокруг почти мёртвые. Там нет защиты.

— У меня и здесь её нет.

Каэл сжал челюсть.

— Речь не об этом.

— Именно об этом.

— Лиара...

— Нет. Сегодня ты уже сказал достаточно.

Он замолчал.

Она сняла брачный браслет.

Это оказалось труднее, чем она ожидала.

Металл не хотел расходиться. Три года он был частью её тела, её статуса, её надежды. Лиара надавила на скрытую застёжку. Браслет вспыхнул слабым алым светом — последним, болезненным, похожим на дыхание угля под пеплом.

На секунду ей показалось, что браслет сопротивляется.

Потом щёлкнул.

Разомкнулся.

По залу прошёл довольный шёпот.

Лиара положила браслет на поднос.

Служитель хотел отойти, но она остановила его взглядом.

— Подождите.

Она сняла с пальца родовой перстень Рейваров.

Этот перстень Каэл надел ей после свадьбы, уже не в зале, а в малой галерее, где горели только две чаши и было слышно, как за окнами идёт снег. Тогда он сказал, что теперь все драконы юга будут знать: она под его огнём.

Ей тогда казалось, это значит — под его защитой.

Теперь она понимала разницу.

Лиара подошла к Каэлу.

Чёрный круг под её ногами вспыхнул предупреждающей линией, но не остановил. Кто-то на ярусе ахнул: бывшая жена не должна была приближаться к главе рода до завершения формулы.

Лиара всё равно подошла.

Каэл смотрел на неё так, будто впервые за весь день не знал, что делать.

— Забери, — сказала она и протянула перстень.

Он не взял сразу.

— Оставь себе.

— Нет.

— Это защитит тебя на дороге.

Лиара усмехнулась.

— Ты только что при всех объявил, что твоя связь со мной мертва. Как именно твой перстень защитит меня, Каэл? Будет напоминать людям, что меня отвергли официально?

Его глаза потемнели.

— Ты хочешь сделать большее.

— Нет. Я хочу вернуть тебе вещь, которой ты больше не имеешь права касаться моей жизни.

Он взял перстень.

Их пальцы почти соприкоснулись.

Почти.

Лиара отдернула руку первой.

Не потому, что боялась.

Потому что тело ещё помнило его тепло, а память тела иногда предаёт быстрее сердца.

Даррон Вейл поднялся.

— Формула расторжения будет завершена после подтверждения обеих сторон. Каэл Ардан Рейвар, признаёте ли вы, что Лиара Эйвен более не является вашей супругой, частью вашего огня и хранительницей вашего дома?

Каэл смотрел на перстень в ладони.

Слишком долго.

Велория тихо сказала:

— Каэл.

Он поднял голову.

— Признаю.

Лиара почувствовала, как в зале стало холоднее.

Даррон повернулся к ней.

— Лиара Эйвен, признаёте ли вы, что более не принадлежите дому Рейвар, не имеете прав на огонь, имя, защиту и решения рода?

Она вдохнула.

Вот оно.

Ловушка в формуле.

“Не принадлежите”.

Они хотели, чтобы она повторила это слово как потерю.

А она услышала в нём дверь.

— Признаю, — сказала Лиара. — Я более не принадлежу дому Рейвар.

Даррон кивнул, довольный.

Лиара продолжила:

— И никакому другому дому тоже.

В зале снова стало тихо.

Она подняла письмо отца, ключ и шкатулку с перстнем матери.

— Я ухожу с тем, что принадлежало мне до вашего огня. С именем, которое вы не давали. С ключом, который вы считаете бесполезным. С письмом человека, который никогда не называл меня слабой из-за того, что ему было трудно меня понять.

Велория сжала губы.

Даррон резко сказал:

— Формула завершена.

— Нет, — ответила Лиара. — Моя — нет.

Она повернулась к ярусам.

Семь кругов лиц. Старые, молодые, красивые, властные, равнодушные, жадные до чужого падения. Драконьи роды любили смотреть, как кто-то теряет всё. В такие минуты они чувствовали собственную высоту.

Пусть смотрят.

— Вы ждали, что я заплачу, — сказала Лиара. — Что попрошу вернуть мне место. Что соглашусь на тихое содержание и исчезну за северной заставой, чтобы новая жена Каэла не видела моей тени в коридорах.

Марисса Вейн опустила взгляд.

— Вы ждали, что я назову себя сломанной. Слабой. Неподходящей. Но я скажу только одно: лучше замёрзнуть свободной на северной границе, чем жить в тепле, где мой голос ничего не стоит.

Каэл резко поднял голову.

На миг в его глазах мелькнуло то, чего она не ожидала.

Страх.

Не за род.

За неё.

Поздно.

— Лиара, север не прощает гордости, — сказал он.

— Как и драконы.

— Ты не выживешь там одна.

Она посмотрела на него долго.

В последний раз — как на мужа.

Потом — как на мужчину, который сам решил стать прошлым.

— Значит, у меня наконец будет честный враг.

Эти слова остались между ними, как разрезанная нить.

Даррон Вейл опустил посох.

— Лиара Эйвен, вы свободны от брачной клятвы. Покиньте круг.

Свободны.

Как странно.

Они произнесли это слово как изгнание.
А оно всё равно расправило плечи.
Лиара сделала шаг.
Чёрный круг погас у неё под ногами. Не полностью. Только там, где она прошла, огненная жила на миг стала серебряной.
Никто, кроме неё, кажется, не заметил.
Нет.
Каэл заметил.
Она почувствовала его взгляд спиной.
У выхода из зала стояли две створки из чёрного дерева. На них были вырезаны драконы Рейваров: крылья раскрыты, пасти полны огня, когти впиваются в камень. Когда-то Лиара проходила через эти двери в день свадьбы. Тогда они распахнулись перед ней под звон родовых колоколов, и все говорили, что она входит в великий дом.
Сегодня двери открылись без звона.
Просто выпустили женщину, которую великий дом больше не хотел держать.
Перед порогом Лиара остановилась.
Не потому, что жалела.
Она дала себе один вдох.
Один-единственный, чтобы оставить здесь всё, что ещё тянуло назад: запах чёрного огня, тяжёлый взгляд Каэла, ледяную гордость Велории, шёпот Мариссы, свои ночи ожидания, несказанные вопросы, надежду на то, что кто-то однажды войдёт и скажет: «Мы ошиблись».
Никто не вошёл.
Никто не сказал.
Значит, она скажет себе сама.
Лиара шагнула за порог.
И в тот же миг за её спиной раздался звук, которого не слышал этот зал триста лет.
Не крик.
Не удар.
Не треск камня.
Тишина.
Такая резкая, что люди ахнули уже после неё.
Лиара обернулась.
Чаша рода Рейваров висела над чёрным кругом.
Пустая.
Чёрное пламя погасло.
Полностью.
Семь ярусов Совета замерли.
Даррон Вейл стоял с поднятым посохом и белым лицом. Велория вцепилась пальцами в край своего кресла. Марисса Вейн смотрела не на Каэла, а на чашу.
Каэл стоял у мёртвого огня.
В его ладони лежал родовой перстень.
На лице больше не было усталости.
Только ужас.
Лиара смотрела на погасшую чашу и чувствовала, как старый ключ в её руке становится тёплым.
Серебряное пламя на его маленькой головке вспыхнуло на миг и исчезло.
Она не сказала ни слова.
Просто повернулась и пошла дальше.
За спиной впервые за триста лет род Рейваров остался в темноте.

Глава 2. Маяк на краю драконьих земель

Север встретил Лиару не снегом.

Солью.

Она ожидала холода, пустоты, хищного ветра, о котором так презрительно говорил Каэл. Ожидала белых равнин, камня, тишины, мёртвых дорог, где даже птицы не задерживаются надолго. Но первой пришла соль — резкая, влажная, горькая. Она вошла в лёгкие, осела на губах, забралась под ворот плаща и будто сказала: здесь всё настоящее, даже боль.

Экипаж оставил её у последней коронной заставы за полчаса до заката.

Дальше кучер ехать отказался.

— Не положено, госпожа, — сказал он, не глядя ей в глаза.

Лиара едва не усмехнулась. За последние сутки её столько раз перестали называть госпожой и снова начали, что само слово потеряло форму.

— Кем не положено?

Кучер перемялся с ноги на ногу. Маленький, рыжебородый, в старом овчинном тулупе, он всё время поглядывал не на неё, а на северную дорогу, которая уходила за низкие чёрные скалы и дальше, к морю.

— Дорогой, госпожа. Там мост старый. Лошади нервничают. Да и ночь скоро.

— Значит, я пойду пешком.

Он наконец посмотрел на неё.

Взгляд был не злой. Скорее усталый и суеверный.

— Вы не местная.

— Я заметила.

— Серебряный Огонь давно пустует. Туда не ходят после заката.

— Тогда хорошо, что мне достался маяк, а не гостиная для приёмов.

Кучер не улыбнулся.

Он снял с задка экипажа её дорожный сундук, старую сумку с вещами и небольшой мешок, который ей собрали в замке Рейваров с такой заботой, будто пытались быстрее закрыть дверь за ошибкой. В мешке лежали тёплая рубаша, два платья без родовых знаков, шерстяные чулки, хлеб, вяленая рыба, кремьень, свечи и тяжёлый плащ без украшений. Всё было добротное, но чужое.

Только три вещи были её: письмо отца, ключ и перстень матери.

Лиара держала ключ в ладони всю дорогу.

Он почти не остывал.

— Здесь есть кто-то, кто может помочь с вещами? — спросила она.

Кучер оглянулся на заставу. За низкой каменной стеной виднелись две башенки, флаг с коронной звездой и жёлтый свет в караульном окне. Оттуда за ними наблюдали, но выходить не спешили.

— До деревни полторы версты, — ответил он. — Рыбацкая слобода. Но к маяку они не пойдут.

— Почему?

Кучер снова посмотрел на северную дорогу.

— Потому что огонь там не для людей.

— А для кого?

Он перекрестил пальцы странным северным жестом: большой палец к безымянному, будто запирал слово.

— Для тех, кто летает в бурю.

Драконы.

Он не произнёс, но Лиара услышала.

В замке это слово всегда звучало как власть. Здесь — как предупреждение.

— Когда-то Серебряный Огонь указывал путь кораблям и драконам, — сказал кучер тише. — Так старики говорят. Потом огонь погас. А перед тем... — Он осёкся.

— Перед тем что?

— Не знаю. Мне дед говорил, но я маленький был.

Лиара посмотрела на него внимательно.

— Вы боитесь не моста.

Кучер покраснел, и от этого его веснушки стали ярче.

— Я живой человек. Живым положено бояться умно.

— Разумное правило.

Он неловко кашлянул.

— В слободе можно нанять мальчишек. За монету донесут сундук до ворот. Но не дальше.

— До ворот?

— До старых железных. Перед подъёмом. Потом тропа узкая.

Лиара посмотрела на свой сундук.

В нём была вся её новая жизнь: несколько платьев, тетрадь, гребень, старая шаль, пара книг, нож для резки хлеба, отцовское письмо и память о том, как дверь Совета закрылась за спиной.

Слишком мало для женщины, которая три года была леди Рейвар.

Слишком много для той, кто хотел уйти без цепей.

— В слободу, — сказала она.

Кучер выдохнул с явным облегчением.

Экипаж покатиł по дороге к морю. Колёса грохотали по промёрзшей земле. Небо над севером было низким, тяжёлым, серым с фиолетовым краем. Ветер становился сильнее, и в нём уже слышался шум волн — далёкий, глубокий, будто за скалами дышало огромное тёмное животное.

Лиара откинулась на жёсткую спинку сиденья.

Она не плакала.

Не потому, что слёз не было. Они жили где-то глубоко, сжатыми в плотный узел, и ждали слабого места. Но пока слабого места не было. Пока была дорога, холод, соль, ключ в ладони и необходимость добраться до места, которое все считали бесполезным.

Бесполезные вещи нравились Лиаре всё больше.

В замке Рейваров полезным считалось всё, что служило роду: браки, печати, женщины, дети, старые клятвы, чужие имена. Бесполезным — всё, что отказывалось быть частью чьего-то порядка.

Может быть, маяк и правда ей подходил.

Рыбацкая слобода оказалась не деревней, а горстью домов, вцепившихся в каменистый склон. Низкие крыши были придавлены сетями, дверные косяки обмотаны верёвками от ветра, окна светились тускло и осторожно. У причала качались лодки. Запах рыбы, дыма и мокрого дерева смешивался с солью.

Когда экипаж остановился у постоялого двора, разговоры у дверей стихли.

Лиара вышла сама.

Её узнали не сразу. Вернее, не узнали вовсе. Здесь никто не видел её в алом платье Рейваров, под родовым перстнем, рядом с Каэлом. Здесь перед людьми стояла женщина в тёмном дорожном плаще, с распущенными от ветра волосами, с лицом слишком усталым для знатной гостьи и слишком прямой спиной для нищей.

Потом кто-то увидел ключ.

Старуха у двери постоянного двора резко втянула воздух.

— Серебряный Огонь.

Шёпот прошёл по слободе быстрее ветра.

Лиара повернулась к ней.

— Мне нужны люди, чтобы помочь донести вещи до маяка.

Старуха отступила на шаг.

— Ночь скоро.

— Я плачу.

— Деньги не всё покупают.

Из-за бочки у стены выглянули двое мальчишек лет двенадцати. Один рыжий, второй темноволосый, оба худые, в заплатанных куртках. Рыжий посмотрел на сундук с жадным интересом.

— До ворот донесём, — сказал он.

Старуха шикнула:

— Рив!

— До ворот, бабка. Не внутрь же.

Темноволосый толкнул его локтем.

— А если огонь проснётся?

— Днём же не проснулся.

— Сейчас не день.

Лиара достала две монеты.

Не золотые. Серебро. Она успела понять: если показать слишком много денег, люди начнут либо кланяться, либо бояться сильнее.

— По одной каждому до ворот. Ещё по половине, если подскажете, где взять воду, дрова и кого можно нанять завтра для ремонта.

Мальчишки переглянулись.

Рыжий Рив явно был готов уже тащить сундук хоть на край света. Темноволосый сомневался.

— Воды там нет, — сказала старуха.

— У маяка?

— Колодец засыпан. В дождевых цистернах, может, осталось, но я бы не стала пить из того, что Серебряный Огонь держал в себе три зимы.

Лиара не стала спрашивать почему. После сегодняшнего дня у неё было мало сил спорить с местными страхами.

— Значит, воду куплю здесь.

Старуха прищурилась.

— Вы кто ему?

— Маяку?

— Дому Эйвенов.

Лиара впервые за день почувствовала, как имя отца становится щитом.

— Дочь Арвена Эйвена.

Старуха изменилась в лице.

Не сильно. Но достаточно, чтобы Лиара заметила: здесь отца знали не как бедного дворянина, которого старшие роды считали удобным приложением к браку дочери.

Здесь его имя что-то значило.

— Арвен не был глупым человеком, — сказала старуха.

— Нет.

— Тогда почему оставил вам это место?

— Надеюсь узнать.

Старуха долго смотрела на неё, потом повернулась к мальчишкам.

— До ворот. Ни шагом дальше. И возьмите Фарлину тележку.

Рив просиял.

— Она опять ругаться будет.

— Она всегда ругается. Это не повод лишать женщину привычек.

Лиара почти улыбнулась.

Здесь, на северном ветру, среди запаха рыбы и мокрых сетей, кто-то впервые за сутки говорил не как старейшина, не как судья и не как человек, заранее решивший её судьбу. Это было странно приятно.

Старуха уже уходила, но остановилась.

— Меня зовут Агна.

— Лиара.

— Знаю.

Значит, слухи бежали быстрее экипажа.

Агна посмотрела на неё без жалости, но с чем-то более трудным.

— Если останетесь там на ночь, не поднимайтесь в башню.

Лиара сжала ключ.

— Почему?

— Потому что башня не любит, когда её зажигают из гордости.

— Я не собираюсь ничего зажигать.

Агна хмыкнула.

— Маяки редко спрашивают, что мы собираемся.

Через четверть часа Лиара снова была в дороге.

Теперь не в экипаже, а пешком. Позади мальчишки толкали скрипучую тележку с сундуком и мешком. Рив всю дорогу пытался сделать вид, что ему не страшно. Темноволосый, которого звали Оллен, молчал так сосредоточенно, будто считал шаги до спасения.

Дорога к маяку шла вверх.

Слева поднимались чёрные скалы, поросшие жёсткой травой. Справа обрыв уходил к морю, и волны внизу били в камень с таким глухим упорством, словно пытались много лет выломать север из земли. Ветер рвал плащ, путал волосы, толкал в спину и тут же бросался навстречу, будто не мог решить, выгнать её или испытать.

На третьем повороте Лиара увидела маяк.

Серебряный Огонь стоял на краю высокого мыса.

Не красивый.

Не величественный в привычном придворном смысле.

Упрямый.

Каменная башня поднималась из скалы так, будто была не построена, а вытянута из неё силой. Нижний дом примыкал к башне полукругом: два этажа, длинная галерея с выбитыми окнами, крыша с провалами, заржавевший флюгер в виде пламени над волной. Стены были тёмными от соли и времени. Кое-где камень покрывал серебристый мох, из-за которого в закатном свете казалось, будто маяк всё ещё хранит внутри слабое сияние.

Но огня наверху не было.

Там, где должна была гореть линза, зияла чёрная пустота.

Лиара остановилась.

Ветер ударил в лицо.

И вдруг ей стало больно так сильно, что она почти не удержалась на ногах.

Не из-за Каэла.

Не из-за Совета.

Из-за отца.

Он знал это место. Возможно, стоял здесь. Возможно, прикасался к этим камням. Возможно, оставил ей ключ не как насмешку судьбы, а как единственное, что сумел защитить от драконьих рук.

Почему, отец?

Почему не рассказал раньше?

В кармане лежало его письмо, но Лиара не решалась открыть. Пока письмо было закрыто, отец ещё как будто мог сказать всё. Когда она прочтёт, слов станет ровно столько, сколько успело лечь на бумагу.

— Госпожа, — тихо сказал Рив. — Идём?

Лиара вдохнула солёный воздух.

— Идём.

Ворота оказались ниже, чем она ожидала: две железные створки, вросшие в каменные столбы, на которых был выбит знак маяка — пламя над волной. Один столб треснул, створки перекошились, цепь проржавела. На земле лежали обломки старой таблички. Лиара подняла один кусок и очистила от грязи.

“Серебряный...”

Второй кусок нашёлся у стены.

“...Огонь”.

Рив и Оллен остановили тележку за несколько шагов от ворот.

— Дальше мы не пойдём, — сказал Оллен.

Голос у него не дрожал. Он просто ставил границу.

Лиара уважала такие границы.

— Хорошо.

Она отсчитала обещанные монеты и добавила две лишние половинки.

Рив заморгал.

— Это за что?

— За то, что тележка скрипела меньше, чем могла.

— Она могла громче, — серьёзно сказал он.

— Значит, ты хороший мастер.

Он расплылся в улыбке, но тут же вспомнил, что у проклятого маяка радоваться неприлично, и спрятал монету в кулак.

Оллен всё ещё смотрел на ворота.

— Если услышите ночью, что кто-то зовёт сверху, не отвечайте.

— Кто может звать?

Он пожал плечами.

— Те, кто думает, что огонь им должен.

Сказал — и сам испугался своих слов.

Рив дёрнул его за рукав.

— Пошли.

Они развернули тележку почти бегом.

Лиара осталась одна.

Перед железными воротами.

С сундуком, мешком, ключом и наследством, в которое боялась войти вся слобода.

Она подошла к цепи.

Замок был старый, тяжёлый, почерневший. На нём тоже виднелся знак маяка. Лиара достала ключ. Металл в её ладони стал горячее. Не обжигаяще — узнавающе.

Ключ вошёл в замок без скрежета.

Это было первым чудом.

Повернулся тоже легко.

Это было вторым.

Когда цепь упала, ворота сами раскрылись внутрь.

Медленно.

С таким протяжным стоном, будто маяк не открывали не три года, а целую жизнь.

— Я пришла, — сказала Лиара.

Зачем — она не знала.

Ответа не было.

Только ветер прошёл по пустому двору, поднял сухие листья, морскую соль и серую пыль.

Лиара втянула сундук внутрь по очереди с мешком. Сама. Без герольдов, слуг и драконьих стражей, которые раньше открывали перед ней двери прежде, чем она успевала коснуться ручки.

Сундук оказался тяжёлым, камни двора — неровными, а её руки — не привыкшими к такой работе. На середине пути она остановилась, сжала зубы и тихо выругалась словом, которое в замке Рейваров заставило бы Велорию потерять дар речи на полдня.

Это неожиданно помогло.

К главной двери она добралась уже в темноте.

Дверь была деревянной, обитой железом, с облупившейся краской. Над ней висела маленькая каменная табличка:

“Свет не принадлежит тому, кто его держит”.

Лиара провела пальцами по буквам.

Отец говорил похожее.

Когда-то давно, на южной террасе, где она ещё девочкой пыталась поймать солнечный луч зеркальцем, он сказал: “Не путай владение и служение, Лиа. Если у тебя в руках свет, это не значит, что он твой. Это значит, что кто-то в темноте может его увидеть”.

Тогда она не поняла.

В замке Рейваров ей объяснили иначе: если у тебя в руках свет, кто-то сильнее обязательно спросит, кто разрешил тебе его держать.

Она открыла дверь.

Запах был тяжёлым: холодный камень, старая древесина, пыль, соль, затхлая ткань, пустота. Лиара зажгла свечу от кремня только с третьей попытки. Пальцы замёрзли, фитиль упрямился, ветер пробирался через щели и пытался погасить маленький огонёк.

Наконец свет поднялся.

Перед ней был большой нижний зал.

Когда-то он, наверное, служил общей комнатой зрителей маяка. В центре стоял массивный стол, накрытый серым слоем пыли. У стены — камин с чёрным нутром, пустые полки, перевёрнутая скамья, несколько глиняных кружек, одна разбитая почти пополам. На полу лежали осколки стекла. В окнах вместо половины рам зияли дыры, забитые досками, но доски давно разошлись и пропускали ветер.

Лиара поставила свечу на стол.

Пламя дрогнуло.

— Ну что, — сказала она пустому залу. — Нас обеих сегодня списали.

Где-то наверху скрипнула лестница.

Лиара замерла.

Скрип повторился.

Не шаг.

Дом.

Старый маяк оседал, дышал, вспоминал, что внутри снова человек.

— Я не буду подниматься в башню, — сказала Лиара, глядя в темноту лестничного пролёта. — По крайней мере, сегодня.

Скрип прекратился.

Она устало усмехнулась.

— Договорились.

Следующий час ушёл на борьбу за выживание без всякой магии.

Лиара нашла в углу несколько поленьев, сухих только с виду. Камин сначала дымил в комнату, потом подумал, потом всё-таки согласился принять огонь. Две свечи она поставила у окна, третью — у лестницы. Из сундука достала шерстяную шаль и накинула поверх плаща. Разбитые стёкла закрыла тем, что нашлось: старым покрывалом, доской, крышкой от ящика.

Кухня обнаружилась за низкой дверью справа. Там было холоднее, чем в зале. Печь огромная, каменная, пустая. На полках — соль, затвердевшая комом, несколько мешочков с крупой, явно слишком старой, чтобы радоваться, железный котелок и нож с ржавым пятном у рукояти. В углу — бочка. Пустая.

— Вода, — сказала Лиара. — Конечно.

Она вспомнила Агну.

Цистерны.

Нашла их не сразу. Дверца в заднем коридоре вела вниз по узким ступеням. Там пахло влажным камнем и морской тинной. Подземное помещение оказалось низким, с тремя каменными резервуарами. В первом — сухо. Во втором — влажное дно. В третьем, когда она подняла крышку, послышался слабый плеск.

Лиара опустила ведро на верёвке.

Вода была холодная, тёмная, с запахом камня.

Пить её она не решилась. Но для рук, посуды и камина — достаточно.

Когда она поднялась обратно, дверь в зал была приоткрыта.

Лиара остановилась.

Она точно закрывала её.

Свеча у лестницы погасла.

Огонь в камине горел ровно, но свет не доставал до дверного проёма.

Лиара медленно поставила ведро.

Взяла со стола нож, тот самый, что нашла в кухне. Ржавый, неудобный, но всё лучше пустой руки.

— Кто здесь?

Ответом был тонкий звук.

Не шаг.

Всхлип.

Лиара напряглась сильнее.

Всхлип повторился. Из-под стола.

Она опустилась на колени и приподняла край пыльной скатерти, которую раньше не замечала.

Под столом сидела девочка.

Лет десяти. Может, одиннадцати. Худенькая, с тёмными волосами, спутанными от ветра и соли, в коротком сером пальто, из которого она явно выросла прошлой зимой. На руках у неё лежал мальчик лет пяти. Он не спал, но глаза держал закрытыми, словно если не смотреть на мир, мир тоже забудет его заметить.

Девочка вцепилась в его плечи.

— Не отдавайте нас.

Лиара медленно убрала нож за спину.

— Кому?

— Людям лорда Рована.

Имя ей ничего не сказало.

Пока.

— Как вы вошли?

Девочка кивнула в сторону заднего коридора.

— Там ход под стеной. Старый. Мы раньше прятались здесь днём, когда маяк был пустой.

Лиара посмотрела на мальчика.

Он был слишком тихим.

— Как тебя зовут?

Девочка колебалась.

— Мира.

— А его?

— Тан.

Мальчик при звуке своего имени крепче сжал её рукав, но глаз не открыл.

— Он боится чужих? — спросила Лиара.

Мира подняла подбородок.

— Он не говорит с чужими.

— Хорошо. Я не буду заставлять.

Девочка недоверчиво посмотрела на неё.

— Вы новая хозяйка?

Слово прозвучало почти обвинением.

Лиара села на пол рядом со столом, чтобы не нависать над детьми. Камень был холодный, юбка сразу потянула влагу, но она не двинулась.

— Похоже на то.

— Вы из драконьего рода?

— Уже нет.

Мира не поняла.

— Так бывает?

— Сегодня выяснилось, что да.

Девочка изучала её лицо, платье, руки, отсутствие родового перстня, ключ на шнурке у пояса. Дети, привыкшие бояться взрослых, смотрят иначе. Не на красоту, не на титулы. Они ищут признаки опасности: слишком резкое движение, слишком гладкий голос, слишком уверенную улыбку.

Лиара сидела тихо.

Огонь в камине потрескивал. Ветер бил в закрытое покрывалом окно. Где-то наверху снова скрипнула башня.

— Вы нас выгоните? — спросила Мира.

Лиара подумала о том, как легко было бы сейчас сказать правильное: нет, конечно, оставайтесь. Но дети, которые пришли ночью в проклятый маяк, не нуждались в красивой доброте. Им нужна была правда, на которую можно опереться хотя бы до утра.

— Не выгоню сегодня, — сказала она. — А утром мы поговорим и решим, что делать дальше.

Мира напряглась.

— Значит, потом выгоните.

— Значит, я не обещаю того, чего ещё не понимаю. Но пока вы под этой крышей, я не отдам вас людям, которые вас пугают.

Девочка моргнула.

Кажется, такой ответ оказался непривычным.

— Вы не знаете лорда Рована.

— Нет.

— Он владеет берегом ниже заставы. Рыбаки платят ему за причалы. Дети, у которых нет семьи, идут в его дом.

— У вас нет семьи?

Лицо Миры стало жёстким.

— Была.

Лиара не стала спрашивать дальше.

Не сейчас.

Тан вдруг открыл глаза.

Серые, огромные, слишком серьёзные для пятилетнего мальчика. Он посмотрел на Лиару, потом на ключ у её пояса. Его пальцы медленно поднялись, показали на маленький знак маяка.

Мира сжала его руку.

— Тан.

Он не опустил пальца.

— Он знает этот знак? — спросила Лиара.

— Все знают.

— И боятся?

Мира помолчала.

— Не все. Старые боятся. Маленьким интересно. А те, кто работает на Рована, говорят, что маяк надо разобрать на камни, пока он сам не вспомнил дорогу драконам.

Лиара почувствовала, как ключ у пояса снова потеплел.

— Дорогу драконам, — повторила она тихо.

Мира кивнула.

— Мама говорила, раньше Серебряный Огонь светил не кораблям, а тем, кто летел в бурю. Если дракон терял себя в небе, маяк звал его домой.

Лиара посмотрела на камин.

Обычное пламя в нём вдруг показалось слишком маленьким для этих стен.

— А почему погас?

Девочка посмотрела вниз.

— Потому что один дракон не вернулся.

Тан закрыл глаза снова.

В комнате стало холоднее, хотя огонь горел.

Лиара хотела спросить ещё, но в этот момент снаружи раздался звук.

Скрип железа.

Ворота.

Мира побледнела так резко, что Лиара сразу поднялась.

— Это они.

— Уверена?

Девочка кивнула.

— У них цепь на сапогах. Слышите?

Лиара прислушалась.

Сначала был только ветер.

Потом — шаги.

Тяжёлые. Несколько человек. И действительно, с металлическим звоном у одного из них.

Тан беззвучно сполз глубже под стол.

Мира хотела последовать за ним, но Лиара остановила её жестом.

— В кухню. Там дверь в нижнее помещение. Спрячьтесь у цистерн. Тихо.

— Вы им откроете?

— Да.

— Нельзя!

— Если я не открою, они начнут ломать дверь. Она старая. Мне она ещё нужна.

Мира смотрела на неё, как на сумасшедшую.

Лиара взяла свечу.

— Идите.

Девочка колебалась одно мгновение, потом потянула Тана за руку. Он пошёл бесшумно, как маленькая тень. У двери в кухню Мира обернулась.

— Не говорите, что мы здесь.

Лиара посмотрела на неё.

— Я не привыкла отдавать тех, кто просит защиты.

Эти слова вырвались сами.

Мира исчезла за дверью.

Снаружи ударили в створку.

— Открывай!

Голос мужской, грубый, привыкший к тому, что двери его слушаются.

Лиара подошла к входу.

Рука на засове задержалась.

Она вдруг ясно увидела чёрный круг Совета. Каэла. Даррона. Велорию. Всех тех, кто считал, что право сильного начинается там, где слабый не успел спрятаться.

Нет.

Не здесь.

Она отодвинула засов и открыла дверь ровно настолько, чтобы видеть двор.

На пороге стояли трое мужчин.

Впереди — широкоплечий, в кожаном плаще, с короткой бородой и тяжёлым знаком в виде чёрной башни на груди. У правого сапога действительно звенела цепочка — не украшение, а часть металлической застёжки. За ним двое помоложе, с факелами и палками.

Мужчина окинул её взглядом с головы до ног.

— Ты новая Эйвен?

— Лиара Эйвен.

Он усмехнулся.

— Была Рейвар, говорят.

Слухи, значит, уже дошли и сюда.

— Говорят, — спокойно ответила она.

— Быстро ты добралась.

— Северные дороги не такие мёртвые, как о них рассказывают.

Ему не понравилось.

— Я Брент. Служу лорду Ровану. Здесь беглые дети. Девка и мальчишка. Они числятся за домом моего господина. Верни — и мы уйдём.

Как просто.

Верни.

Не “есть ли они здесь”. Не “можно войти”. Не “что случилось”.

Верни.

Словно речь шла о двух чашках, забытых на чужой кухне.

— В моём доме нет имущества лорда Рована, — сказала Лиара.

Брент прищурился.

— А дети есть?

— В моём доме есть только те, кого я впустила.

— Значит, есть.

Он поставил сапог на порог.

Лиара не отступила.

— Уберите ногу.

Двое с факелами переглянулись.

Брент медленно улыбнулся.

— Ты, видно, ещё не поняла, куда приехала. Здесь не замок драконьего мужа. Здесь берег Рована. Законы простые: кто должен — того возвращают.

— Дети не долг.

— Здесь — долг. Их мать брала место, крышу, еду. Умерла — долг остался.

Лиара почувствовала, как внутри поднимается ярость.

Не огненная. Холодная. Та, что не кричит, а выпрямляет спину.

— Сколько?

Брент моргнул.

— Что?

— Сколько, по словам вашего лорда, “должны” дети?

Он назвал сумму.

Слишком большую.

Не невозможную для рода Рейваров. Смешную для Каэла. Но для рыбацкой семьи — цепь на всю жизнь.

У Лиары не было таких денег.

Пока.

— Завтра я приду в слободу и выслушаю, кто, кому и на каком основании обязан, — сказала она. — Сегодня дети остаются здесь.

Брент перестал улыбаться.

— Ты думаешь, если носила драконий перстень, можешь приказывать на берегу?

— Я думаю, что если человек приходит к моей двери ночью и требует детей, не называя их по именам, он не получит от меня ничего.

— По именам? — Он фыркнул. — Мира и Тан. Довольна?

Из кухни не донеслось ни звука.

Лиара надеялась, что девочка слышит.

— Теперь я знаю, что вы ищете живых детей, а не долг. Ответ тот же.

Брент шагнул ближе.

— Слушай, бывшая леди. Маяк пустовал, потому что умные люди не селятся в местах, где огонь помнит драконов. Ты одна. Дом холодный. Ветер сильный. Стены старые. А люди Рована умеют ждать.

— Тогда пусть ждут за воротами.

Он поднял руку.

Один из молодых мужчин с факелом сделал шаг к двери.

И в этот миг маяк заговорил.

Не голосом.

Светом.

Каменная табличка над дверью вспыхнула слабой серебряной линией. Слова, которые Лиара читала при входе, проступили ярче:

“Свет не принадлежит тому, кто его держит”.

Факел в руке молодого мужчины погас.

Просто погас, будто его задул невидимый вдох.

Второй факел задрожал.

Брент резко отступил от порога.

— Что ты сделала?

Лиара сама не знала.

Но не собиралась признаваться в этом человеку, который пришёл за детьми.

— Напомнила дому, что он не пустой.

Второй факел погас.

Теперь в дверях горела только свеча в руке Лиары и серебристые буквы над её головой. Этого света было мало, но достаточно, чтобы увидеть страх на лицах мужчин.

Брент отступил ещё на шаг.

— Рован узнает.

— Передайте ему моё имя правильно.

— Ты пожалеешь.

— Возможно, — сказала Лиара. — Но не сегодня.

Она закрыла дверь.

Засов встал на место с глухим стуком.

Только когда шаги во дворе удалились, Лиара позволила себе прислониться лбом к холодному дереву.

Руки дрожали.

Сильно.

Она не была бесстрашной. Просто страх не успел стать главным.

Из кухни донёсся осторожный шорох.

Лиара повернулась.

Мира стояла в дверях, прижимая к себе Тана. Девочка смотрела на Лиару так, будто та только что сделала что-то невозможное и очень неразумное.

— Он вернётся, — сказала Мира.

— Знаю.

— С людьми.

— Скорее всего.

— Тогда зачем вы не отдали нас?

Лиара медленно подошла к камину и поставила свечу на полку.

Обычный огонь внутри уже разгорелся лучше. Жёлтый, тёплый, упрямый. Он не был серебряным и древним. Просто грел.

— Потому что если начать новый дом с предательства, стены это запомнят.

Мира молчала.

Тан вдруг высвободил руку и подошёл к столу. Он взял маленький обломок каменной таблички, который Лиара принесла со двора, провёл пальцем по слову “Огонь” и положил рядом с её ключом.

Потом посмотрел на неё.

В его взгляде уже не было прежнего полного недоверия.

Только вопрос.

— Останетесь на ночь? — спросила Лиара.

Мира сглотнула.

— Можно?

— Да. Но придётся помочь. В этом доме пока слишком много ветра и слишком мало порядка.

Девочка вдруг выдохнула так, будто всё это время держала воздух в груди.

— Я умею чистить рыбу. И штопать. Немного.

— Прекрасно. Я умею читать родовые постановления и открывать старые замки. Пока из нас троих только у тебя есть действительно полезный навык.

Мира моргнула.

Потом неожиданно улыбнулась.

Маленькой, осторожной улыбкой, которая сразу сделала её младше.

— Тан умеет находить сухие доски.

Мальчик кивнул.

— Тогда он сегодня самый важный человек в маяке, — сказала Лиара.

Тан покраснел и спрятался за сестру.

Они устроились в нижнем зале.

Мира знала дом лучше, чем Лиара. Она показала кладовку под лестницей, где ещё лежали старые парусиновые мешки, сухую нишу за камином, где можно было хранить щепки, и узкий ход к задней стене, через который они с Таном пробрались внутрь. Лиара закрыла ход каменной плитой и старым ящиком. Ненадёжно, но до утра сойдёт.

Вместе они перетаскивали скамью ближе к камину. Лиара достала хлеб и рыбу. Мира разделила еду так аккуратно, что Лиара сразу поняла: девочка привыкла считать каждый кусок. Тан ел медленно, крошки собирал пальцем с ладони и не поднимал глаз.

— Здесь раньше жили смотрители? — спросила Лиара.

Мира кивнула.

— До последней бури. Потом все ушли.

— Почему?

— Говорят, маяк начал светить не туда.

— Как это?

— Не в море. В небо.

Лиара посмотрела на тёмную лестницу, ведущую к башне.

— И что случилось?

Мира понизила голос:

— Прилетели драконы. Много. Они кружили всю ночь. А утром огонь погас. С тех пор никто не поднимается наверх.

— Ты поднималась?

— Нет.

Слишком быстрый ответ.

Лиара не стала ловить её на лжи.

— А Тан?

Мира крепче сжала кружку с тёплой водой.

— Он маленький.

Тан сделал вид, что не слышит.

Лиара поняла: мальчик поднимался.

И что-то видел.

Но сегодня он уже пришёл в чужой дом, спрятался под столом, пережил приход людей Рована и впервые за долгое время получил место у огня. Не время вытаскивать из него тайны, как занозы.

Позднее они улеглись прямо в зале.

Мира и Тан — на скамье у камина, под старым покрывалом и шалью Лиары. Сама Лиара устроилась в кресле, которое нашла в углу. Оно хромало на одну ножку и скрипело при каждом движении, зато стояло лицом к двери.

Нож она положила рядом.

Ключ — под ладонь.

Письмо отца — на колени.

Она долго смотрела на печать.

“Не здесь”, — сказала себе Лиара.

Не при детях, которые едва уснули. Не с ножом у руки и страхом у двери. Письмо отца заслуживало утра. Или хотя бы часа, когда она не будет прислушиваться, не возвращаются ли люди Рована.

Но пальцы всё равно легли на печать.

Воск был старый, тёмно-синий, с тем же знаком маяка. Лиара не сломала его. Только коснулась.

Внутри шевельнулась такая тоска, что она закрыла глаза.

— Почему ты оставил мне это место? — прошептала она.

Камин тихо треснул.

Наверху, в башне, что-то ответило слабым звоном.

Лиара открыла глаза.

Мира спала, свернувшись вокруг Тана. Мальчик тоже спал, сжимая в руке край покрывала. Ветер завывал в щелях, но зал стал теплее. Дом больше не казался пустым. Разбитым — да. Холодным — да. Опасным — возможно.

Но не пустым.

Лиара положила письмо в карман у сердца.

Она не заметила, как задремала.

Проснулась от света.

Не от шума.

Не от шагов.

От света, который мягко лёг на веки серебряным холодом.

Сначала Лиара решила, что рассвело. Но за забитыми окнами была густая ночь. Камин почти прогорел до углей. Мира и Тан спали. Внизу ничего не изменилось.

Свет шёл сверху.

Из башни.

Лиара поднялась так тихо, как смогла. Ключ на шнурке у пояса был горячим. Не до боли, но настойчиво. На лестнице, ведущей наверх, серебро проступало тонкими линиями между ступенями, будто кто-то пролил лунный свет и он затёк в трещины.

Она сделала шаг к лестнице.

Потом остановилась.

“Не поднимайтесь в башню”, — сказала Агна.

“Если услышите ночью, что кто-то зовёт сверху, не отвечайте”, — сказал Оллен.

А Лиара вдруг поняла: её не зовут.

Её ждут.

Она подняла взгляд.

Высоко над домом, на вершине Серебряного Огня, там, где маяк должен был быть мёртвым, вспыхнул слабый серебряный луч.

Он не бил в море.

Не искал корабли.

Он поднимался в небо.

Прямо туда, где далеко на юге, за холодом и тьмой, остался погасший родовой огонь Каэла Ардана Рейвара.

Глава 3. Дом для тех, кого не ждут

Утро в Серебряном Огне началось с того, что в кухне пошёл дождь.

Не снаружи.

С потолка.

Лиара стояла посреди каменного пола с пустой кружкой в руке и смотрела, как с балки медленно набухает прозрачная капля, тяжелеет, дрожит — и падает прямо в котелок, который она вечером поставила у печи.

Кап.

Мира, сидевшая на старом табурете возле стола, сонно подняла голову.

Кап.

Тан проснулся следом, прижал к груди край шали и посмотрел на потолок с таким видом, будто дом решил заговорить на новом языке.

Кап.

Лиара перевела взгляд с котелка на дыру между камнями, потом на запотевшее окно, где ветер за ночь сорвал половину тряпки, которой она закрывала разбитое стекло.

— Прекрасно, — сказала она. — У нас появилась вода. Осталось убедить дом, что её лучше держать в ведре, а не над завтраком.

Мира моргнула.

Потом вдруг фыркнула — тихо, осторожно, будто смех тоже мог оказаться запрещённым.

Тан смотрел на Лиару серьёзно. Потом медленно поднял руку и показал пальцем на второй угол кухни.

Там тоже темнело мокрое пятно.

— Ещё? — спросила Лиара.

Мальчик кивнул.

— Значит, кухня решила не мелочиться.

Она поставила кружку, взяла два старых котелка, один таз с трещиной и глиняную миску. Подставила всё под капли, после чего на кухне стало звучать сразу четыре разных ритма. Дом будто играл нелепую северную песню: кап, кап-кап, глухой стук, тонкий звон.

Мира соскользнула с табурета.

— Я могу помочь.

— Можешь найти сухое место для хлеба.

Девочка сразу схватила свёрток, который Лиара положила вечером на полку, и перенесла на стол. Хлеб отсырел с краю, но остался съедобным. Тан тем временем слез со скамьи, подошёл к нише у печи и вытащил оттуда несколько тонких досок, которые, видимо, сам заметил ещё вчера.

Он положил их у ног Лиары и показал на окно.

— Закрыть?

Тан кивнул.

— Ты правда умеешь находить сухие доски, — сказала она.

Мальчик отвёл глаза, но угол его рта дрогнул.

Мира взяла одну доску, примерила к окну и нахмурилась.

— Нужен молоток.

— У нас есть что-то похожее?

— В старой кладовой, наверное. Только туда нельзя.

Лиара подняла бровь.

— Почему?

Мира посмотрела на Тана.

Тот упрямо уставился в пол.

— Там раньше хранили зеркальные пластины для верхнего огня, — сказала девочка. — После последней бури некоторые треснули. Если смотреть в них ночью, можно увидеть не себя.

— А днём?

— Днём они просто режут пальцы, если лезть без перчаток.

— Вот это уже понятная опасность.

Мира посмотрела на неё с недоверием.

— Вы правда пойдёте?

— Если в кладовой есть молоток, пойду. Если там есть молоток, гвозди и нормальная петля, я, возможно, даже признаю, что этот дом не совсем против нас.

— Он не против, — неожиданно сказала Мира.

Лиара остановилась.

— Почему ты так думаешь?

Девочка пожала плечами, но слишком быстро.

— Он пустил нас ночью.

— Через ход под стеной.

— Он не всех пускает.

Тан поднял глаза.

На миг в его взгляде мелькнуло то же серебристое отражение, что ночью на вершине маяка. Может быть, Лиаре просто показалось. Свет утра был мутным, окно разбито, воздух полон соли и сырости. Но она вдруг вспомнила, как луч поднялся в небо — не в море, не к кораблям, а на юг, туда, где должен был находиться замок Рейваров.

Где чаша Каэла погасла.

Она сжала пальцы.

Не думать.

Пока не думать.

У неё была мокрая кухня, двое детей, неизвестный лорд Рован, старуха Агна, которая явно знала больше, чем говорила, и целый маяк, который по ночам зажигал огонь без разрешения хозяйки. Для начала этого достаточно.

— Тогда посмотрим, что дом готов дать нам взаймы, — сказала Лиара.

Кладовая находилась за узкой дверью в заднем коридоре. Замок на ней давно заржавел, но ключ маяка подошёл и туда. Это уже начинало пугать меньше, чем вчера. Или просто Лиара слишком устала удивляться.

Внутри пахло пылью, сухой солью и старым металлом. Узкое помещение было заставлено ящиками, свёрнутыми канатами, поломанными фонарями, железными крюками и непонятными механизмами. Вдоль дальней стены стояли высокие деревянные рамы, накрытые парусиной.

Мира не вошла. Осталась на пороге, держа Тана за плечо.

— Пластины там.

Лиара осторожно приподняла край парусины.

Под ней тускло блеснуло серебристое стекло. Не зеркало, не обычная линза. Поверхность была потемневшей, в тонких трещинах, похожих на замёрзшие молнии. Она отразила не лицо Лиары, а расплывчатое пятно света у неё за плечом.

Серебро в ключе отозвалось теплом.

Лиара быстро опустила ткань обратно.

— Сегодня мы пришли за молотком.

Молоток нашёлся в третьем ящике. Гвозди — в пятом. В шестом оказались старые петли, моток проволоки, грубые перчатки и кусок плотной парусины. Мира смотрела на всё это так, будто Лиара добыла сокровища.

— Мы закроем окна? — спросила она.

— Не все. Но те, через которые ветер ведёт себя как хозяин, — обязательно.

Девочка кивнула с такой серьёзностью, будто это было первое правило нового государства.

К полудню нижний зал изменился.

Не стал красивым.

Даже приличным не стал.

Но в нём появилась работа.

Лиара с Мирой закрыли два выбитых окна досками и парусиной. Тан подавал гвозди так осторожно, будто каждый был драгоценностью. Камин вычистили от золы и старого мусора. Осколки стекла смели в угол. Большой стол отмыли настолько, насколько позволяла холодная вода из цистерны. Пыль поднималась облаками, забивалась в горло, оседала на волосах, и к середине дня все трое выглядели так, будто сражались с серой бурей.

Лиара впервые за долгое время запачкала руки не чужим стыдом, а настоящей работой.

И это было почти приятно.

Почти — потому что пальцы саднило от грубого дерева, плечи болели от сундука, поясницу ломило, а в животе настойчиво напоминал о себе скудный завтрак из хлеба и кусочка рыбы.

— Нам нужны люди, — сказала она, рассматривая потолок, где капли стали падать медленнее, но не исчезли. — Плотник. Кто-то, кто знает печи. И тот, кто не боится лестниц.

Мира насторожилась.

— Вы пойдёте в слободу?

— Да.

— А если люди Рована будут там?

— Значит, тоже услышат, что я ищу плотника.

— Они могут помешать.

— Могут.

— Вы всё равно пойдёте?

Лиара посмотрела на девочку.

Мира не спрашивала из любопытства. Она снова проверяла: останется ли взрослая женщина тем, кем показалась ночью, или утро сделает её разумной, а разумные люди обычно начинали отдавать слабым сильным.

— Я не умею чинить крышу, — сказала Лиара. — И не хочу, чтобы каша снова стала дождевой. Так что пойду.

— Можно с вами?

— Нет.

Мира сразу сжалась.

Лиара присела перед ней.

— Не потому, что ты мне мешаешь. Потому что если люди Рована увидят тебя в слободе, спор станет не о крыше, а о тебе. А сегодня мне нужно купить доски и привести мастера.

— А если они придут сюда, пока вас нет?

Лиара посмотрела на дверь. Потом на лестницу. Потом на каменную табличку над входом.

Дом вчера помог.

Но полагаться только на дом было бы глупо.

— Вы закроете засов. Не откроете никому, кроме меня. Если услышите людей во дворе, уйдёте в нижнее помещение и закроете плитой ход. Тан знает, где сухие доски. Ты знаешь, где нож для хлеба.

— Я могу держать нож.

— Я знаю.

Мира подняла подбородок.

— Я не боюсь.

Лиара мягко сказала:

— Бояться можно. Главное — не отдавать страху все решения.

Девочка замолчала.

Тан подошёл к Лиаре и протянул ей маленький предмет.

Кусочек серебристого стекла.

Она резко вдохнула.

— Где ты взял?

Мальчик показал на кладовую.

— Тан! — испуганно сказала Мира.

Он не ответил. Просто вложил осколок в руку Лиары и осторожно сложил её пальцы поверх.

Стекло было холодным. Но внутри него, если присмотреться, мелькала тонкая точка света.

— Зачем? — спросила Лиара.

Тан коснулся пальцем сначала осколка, потом двери, потом себя и Мира.

Мира тихо перевела:

— Чтобы вы знали, если кто-то придёт?

Тан кивнул.

Лиара посмотрела на осколок.

— Он так умеет?

Мальчик пожал плечами.

Очень детский жест: я не знаю, просто знаю.

Лиара положила осколок в карман.

— Спасибо.

Тан сразу спрятался за сестру.

В слободу она пошла одна.

На этот раз дорога показалась другой. Вчера маяк был местом изгнания, куда её почти бросили. Сегодня за спиной у неё оставались дети, мокрая кухня, закрытые досками окна и маленький огонь в камине. Это ещё не было домом. Но уже было местом, куда нужно вернуться.

В слободе разговоры снова стихли, когда она появилась.

Агна сидела у двери постоянного двора и чинила сеть. При виде Лиары она не удивилась.

— Жива.

— Разочарованы?

— Облегчена. Разочарование требует больших ожиданий.

— Мне нужен плотник.

— Всем нужен плотник. Плотники знают это и потому ведут себя хуже лордов.

— Мне нужен тот, кто не побоится маяка.

Агна воткнула иглу в сеть.

— Это уже дороже.

Лиара сняла с руки тонкий браслет.

Не брачный.

Один из последних своих. Серебро с маленькими голубыми камнями, подарок отца на семнадцатилетие. Она берегла его даже в замке Рейваров, где все украшения оценивали прежде всего по тому, насколько они соответствуют статусу.

Агна посмотрела на браслет.

— Продаёте прошлое?

Лиара сжала пальцы, но не убрала руку.

— Покупаю крышу.

Старуха долго молчала.

— Разумная сделка. Больно, но разумно.

Она поднялась тяжело, с опорой на косяк, и махнула рукой.

— Идёмте к Борену. Он будет ругаться. Не обращайтесь внимания. Если Борен не ругается, значит, или умер, или очень хочет денег.

Борен оказался широким мужчиной лет пятидесяти с плечами, будто он каждый день спорил с брёвнами и обычно выигрывал. Его мастерская стояла у самого причала. Внутри пахло смолой, стружкой и мокрым канатом. На стенах висели пилы, молотки, стамески, крюки, деревянные колёса и половина лодочного носа.

— Нет, — сказал Борен, даже не дослушав.

Агна села на перевёрнутый ящик.

— Ты ещё не знаешь, что она просит.

— Если ты привела её ко мне, значит, просит то, на что разумный человек скажет нет.

— Разумный человек обычно беднее упрямого, — заметила Агна.

Борен посмотрел на Лиару.

— Маяк?

— Да.

— Крыша?

— И окна. И кухня. И ворота. И, возможно, лестница.

— Возможно?

— Я не поднималась выше второго пролёта.

Он хмыкнул.

— Значит, у вас ещё есть ум.

— Ненадолго, если потолок продолжит лить воду в котелок.

Борен впервые посмотрел на неё внимательнее.

— Вы ночевали там?

— Да.

— И свет видели?

Агна резко подняла голову.

Лиара поняла, что лучше соврать.

И тут же поняла, что не хочет начинать новый дом с лжи перед людьми, которые могут стать его первыми руками.

— Видела.

Борен медленно вытер ладони о фартук.

— В башне?

— Наверху. Луч поднялся в небо.

В мастерской стало тихо.

За стеной кричали чайки. Где-то стукнула лодка о причал.

Агна прошептала:

— Значит, он признал ключ.

— Или просто решил напугать меня окончательно, — сказала Лиара.

Борен неожиданно рассмеялся.

Громко, коротко, хрипло.

— Маяк пугает только тех, кому есть что прятать в темноте. Остальных он гоняет работой. Показывайте браслет.

Лиара положила украшение на верстак.

Он осмотрел камни, проверил серебро зубом, за что Агна обозвала его дикарём, и назвал сумму. Меньше, чем украшение стоило. Но не оскорбительно мало.

— За это я приду сегодня, посмотрю крышу и ворота, завтра приведу двух мальцов и начну с кухни, — сказал Борен. — Если дом не решит скинуть меня с лестницы.

— Он может?

— Любой старый дом может. Просто большинство делает вид, что это ветер.

— Мне ещё нужны доски, гвозди, ткань для окон и мука.

— Я плотник, не торговая лавка.

Агна поднялась.

— Муку дадут у Фарлины. Ткань у вдовы Майры. Гвозди у тебя, не жадничай.

— Агна, ты распоряжаешься моими гвоздями, как будто родила их сама.

— Если бы я рожала гвозди, они были бы ровнее твоих.

Лиара слушала их перепалку и вдруг почувствовала странную лёгкость. Не радость. Нет. До радости было далеко. Но после зала Совета, где каждое слово резали по форме, грубые северные голоса казались почти милосердными.

Они спорили живо.

Не чтобы уничтожить.

Чтобы решить.

К концу дня у Серебряного Огня появились первые покупки и первый мастер.

Борен пришёл с инструментами, двумя мешками досок, связкой гвоздей и выражением лица человека, которого добровольно ведут на казнь. Рив и Оллен тащили за ним парусину и мешок муки, делая вид, что идут исключительно за монеты, а не потому что им ужасно интересно, что происходит в маяке после ночного света.

Фарлина, хозяйка тележки, принесла старый котёл и заявила, что если уж её имущество таскают к проклятому месту, она хочет хотя бы увидеть, кому оно служит. Вдова Майра пришла “только отдать ткань”, но за её юбку цеплялась маленькая девочка лет шести с рыжей косой и круглыми испуганными глазами.

— Это Лисса, — сказала Майра, когда Лиара посмотрела на ребёнка. — Она не мешает.

Лиара услышала в этих словах больше, чем было сказано.

“Она не мешает” обычно говорили те, кому часто объясняли, что ребёнок — лишняя тяжесть.

— Дети редко мешают больше взрослых, — ответила Лиара. — Входите. Но осторожно, у нас пол решил собрать все занозы с северного берега.

Лисса спряталась за мать, но всё же вошла.

Борен, осмотрев ворота, потолок, камин, кухню и лестницу, сказал слово, которое Лиара мысленно записала как строительный приговор.

— Живое.

— Это хорошо или плохо? — спросила она.

— Это значит, что развалится не сегодня. Если не трогать башню.

— А если трогать?

— Смотря кто трогает. И зачем.

Он стоял у подножия лестницы и смотрел вверх так, как другие смотрели в пасть зверя. Не суеверно. Профессионально.

— Мне нужно будет подняться, — сказала Лиара.

— Не сегодня.

— Все сегодня говорят мне, куда не ходить.

— Значит, сегодня редкий день, когда вокруг вас много умных людей.

Фарлина прыснула.

Агна, пришедшая следом с узлом сухих трав для запаха, строго посмотрела на неё.

Лиара не стала спорить.

Пока.

К вечеру нижний зал перестал быть залом изгнания.

На столе стояла еда: густая каша из свежей крупы, хлеб, рыба, несколько яблок от Фарлины, которые она назвала «сморщенными, но честными». Камин горел уверенно. Окна закрывали доски и парусина. У стены Борен поставил две скамьи. Мира помогала Майре резать хлеб. Тан сидел рядом с Лиссой и показывал ей, как складывать из щепок маленький маяк. Рив и Оллен толкались у двери, притворяясь, что им пора уходить, но не уходили.

— За стол, — сказала Лиара.

Все замерли.

Даже Борен.

— Что?

— За стол, — повторила она. — Все, кто работал, едят.

Фарлина прищурилась.

— И дети?

— Особенно дети.

— И мальчишки?

Рив сразу выпрямился.

Лиара посмотрела на него.

— Если мальчишки не слишком горды для каши.

— Мы не горды, — быстро сказал он.

Оллен толкнул его локтем, но сел первым.

Так в Серебряном Огне появился первый общий ужин.

Неловкий.

Шумный.

Слишком тесный для длинного стола, который ещё утром был покрыт пылью. Люди не знали, как вести себя в доме, который вчера считали проклятым, а сегодня оказался тёплым, но всё ещё скрипел наверху так, будто прислушивался к каждой ложке. Майра сначала отдавала почти всю кашу Лиссе, пока Лиара молча не подвинула ей вторую миску. Женщина покраснела и опустила глаза.

— Я не прошу милости, — сказала она тихо.

— Я не предлагаю милость. Я предлагаю ужин.

— Это не одно и то же?

— Здесь — нет.

Майра подняла на неё взгляд.

В её лице была усталость, которой Лиара раньше не умела видеть. В замке усталость прятали под румянами, тканями, драгоценностями и правилами. Здесь она сидела у стола с красными от ветра руками и ребёнком, который боялся дышать громко.

— Мой муж погиб прошлой весной, — сказала Майра после долгой паузы. — Дом записали за братом. Он сказал, что вдова с девочкой ему в тягость. Рован предложил место при береговых складах. Я отказалась. После этого мне стало трудно покупать муку.

Фарлина тихо стукнула ложкой о стол.

— Трудно? Он запретил людям продавать тебе больше меры.

— Фарлина...

— Что? Она должна знать, если собирается тут светить.

Мира перестала есть.

Тан тоже.

Лиара медленно положила ложку.

— Лорд Рован считает, что может решать, кто ест на этом берегу?

Борен хмыкнул.

— Рован считает, что берег начинается у его сапога и заканчивается там, где он устанет смотреть.

— А коронная застава?

— Смотрит на большие нарушения, — сказала Агна. — Маленьких людей она редко видит, пока их не принесут прямо к воротам.

— Тогда будем делать так, чтобы нас стало труднее не заметить.

Все посмотрели на Лиару.

Она сама ещё не знала, что именно имеет в виду.

Но слова уже вышли.

И, странно, не показались пустыми.

— Что вы хотите устроить здесь? — спросила Майра.

Лиара оглядела зал.

Разбитые окна. Потрескавшийся стол. Детей, сидящих плечом к плечу. Мокрый потолок. Борена с грубыми руками. Агну, которая делала вид, что просто зашла посмотреть и вовсе не собирается оставаться. Фарлину с яблоками. Рива и Оллена, которые ели так быстро, будто боялись, что миски передумают.

— Дом, — сказала Лиара.

Слово прозвучало слишком просто.

И потому страшно.

— Маяк, — поправил Борен.

— Маяк тоже может быть домом.

— Маяки зовут снаружи. Дома держат внутри.

— Значит, этот будет делать и то и другое.

Агна впервые за вечер улыбнулась.

— Арвен говорил похоже.

Лиара резко повернулась к ней.

— Вы знали моего отца?

— Все здесь знали Арвена Эйвена. Просто одни помнят, а другие делают вид, что забыли.

— Почему?

Старуха посмотрела на башню.

— Потому что память у северного берега дорогая. За неё часто спрашивают больше, чем люди готовы платить.

Лиара хотела спросить ещё, но Борен громко отодвинул миску.

— Если это дом, ему нужны правила. Иначе через неделю будете не хозяйкой, а той несчастной женщиной, которую все дёргают за рукав.

— Вы предлагаете написать правила?

— Я предлагаю хотя бы решить, кто таскает воду.

Фарлина кивнула.

— И кто отвечает за печь. Ваша печь, Лиара Эйвен, оскорбляет понятие огня.

— Она сегодня грела.

— Она сегодня снисходила.

Мира вдруг сказала:

— Я могу помогать на кухне.

Лиара посмотрела на неё.

— Можешь. Но не одна и не весь день.

Девочка нахмурилась.

— Почему?

— Потому что дети не должны расплачиваться работой за право быть под крышей.

За столом стало тихо.

Тан поднял голову.

Лисса перестала жевать яблоко.

Майра закрыла глаза.

Борен перестал вертеть ложку.

Лиара поняла, что сказала что-то большее, чем думала. В замке такие слова называли бы мягкостью, не годной для управления. Здесь они легли на стол тяжёлой, важной вещью.

— Тогда как? — спросила Мира.

— Каждый помогает по силам. Но помощь не покупает место у огня. Место у огня есть потому, что ты человек.

Рив шепнул Оллену:

— А если человек ленивый?

Оллен шикнул на него.

Сена в детстве сказала бы: ленивых людей лечит работа, злых — последствия, а глупых иногда ничего. Лиара не стала повторять это вслух.

— Если кто-то не помогает совсем, мы говорим с ним, — сказала она. — Если обижает других — он не остаётся без ответа. Если врёт о важном — разбираемся. Если боится — не смеёмся. Если хочет уйти — его не держат силой. Если за кем-то приходят ночью и требуют как вещь — дверь не открывается.

Мира посмотрела на неё так, будто каждое правило укладывалось в неё отдельно.

— И если приходят днём?

Борен усмехнулся.

Лиара ответила:

— Днём дверь тоже умеет быть закрытой.

— Хорошее правило, — сказала Фарлина.

Агна подняла кружку.

— За дверь, которая знает, когда закрываться.

Они выпили воду из цистерны, которую Фарлина предварительно обозвала “каменной, но терпимой” и велела Лиаре завтра купить нормальные бочки для дождя.

Вечером, когда слобожане начали расходиться, Майра не ушла.

Она стояла у двери, держала Лиссу за руку и смотрела в темноту двора.

— Мне некуда возвращаться, — сказала она.

Лиара подошла ближе.

— Вы хотите остаться?

— Я могу шить. Штопать сети. Чинить одежду. Готовить плохо, но учусь. Лисса тихая. Она правда не мешает.

— Майра.

Женщина сжала губы.

— Простите.

— Вам не нужно доказывать полезность ребёнка.

Майра отвернулась.

Лиара не коснулась её. После того, как у человека долго забирали право на собственное место, даже доброе прикосновение могло показаться новым требованием.

— У нас есть комната на втором этаже, — сказала Лиара. — Я ещё не проверила, насколько там сухо, но там есть стены, дверь и, кажется, две кровати без ножек.

— Без ножек?

— Зато с характером.

Лисса вдруг тихо спросила:

— А здесь драконы не заберут маму?

Лиара присела перед ней.

Девочка была совсем маленькой, но глаза у неё уже умели ждать плохой ответ.

— Нет, если мама сама не захочет уйти.

— А если лорд скажет?

— Лорд не стоит над этой дверью.

— А кто стоит?

Лиара посмотрела на табличку над входом.

— Пока что я. И дом. Дом, кажется, упрямый.

Лисса подумала и кивнула, будто дом, упрямый как взрослая женщина, был достаточно надёжной защитой.

Майра заплакала беззвучно.

Фарлина, которая уже почти вышла, вернулась, обняла её за плечи и сказала грубо:

— Ну вот. Теперь точно остаёшься. Кто же плачет так некрасиво на улице?

К ночи на втором этаже появились первые спальни.

Точнее, комнаты, которые решили считать спальнями, потому что в них было меньше дыр, чем в других.

В одной устроили Миру, Тана, Майру и Лиссу. Борен нашёл две старые кроватные рамы, поставил их на кирпичи и заявил, что это временно, но если кто-то будет прыгать, временность закончится быстро. Мира помогла застелить постели парусиной и старыми одеялами. Тан проверил углы на сухость. Лисса уснула почти сразу, не выпустив из руки кусочек яблока.

Внизу Лиара устроила себе место у камина.

Не потому, что не было комнат.

Потому что дверь.

Пока она не знала, где именно дом дышит, откуда могут прийти люди Рована, как поведёт себя башня и почему серебряный огонь вспыхнул ночью, ей было спокойнее видеть вход.

А письмо отца всё ещё лежало нераспечатанным.

Она достала его ближе к полуночи.

В зале стало тихо. Майра с детьми спала наверху. Мира долго ворочалась, потом тоже затихла. Борен ушёл до утра, пообещав явиться “если маяк не передумает”. Агна оставила у двери связку сухих трав от сырости и сказала, что утром приведёт женщину, которая раньше смотрела за маячными лестницами.

— Старая Норра? — спросила Фарлина.

— Она не старая. Она выдержанная.

— Она кусается.

— Значит, с башней поладит.

Лиара положила письмо на стол.

Печать отца отражала огонь.

Она почти сломала воск.

Почти.

Но в этот момент в кармане тихо звякнул осколок серебристого стекла, который дал Тан.

Лиара вынула его.

Внутри светилась маленькая точка.

Не ярко.

Настороженно.

Она поднялась.

Вышла во двор.

Ночь была холодной, но ясной. Облака разошлись, и море внизу стало чёрным, с серебряными полосами волн. На башне маяка огня не было. Только темнота.

Зато на дороге к воротам стоял мальчик.

Не Рив и не Оллен.

Этот был младше, лет восьми. Худой, в слишком большом плаще, с короткими светлыми волосами и лицом таким белым, что в лунном свете он казался почти прозрачным. В руках он сжимал деревянную фигурку дракона. Одно крыло у фигурки было отломано.

Мальчик смотрел не на Лиару.

На тень башни.

— Кто ты? — спросила она тихо.

Он вздрогнул, как от удара, и прижал дракона к груди.

— Не подходите.

— Хорошо. Не подойду.

Лиара остановилась у крыльца.

— Как тебя зовут?

Мальчик молчал.

— Я Лиара.

Он сглотнул.

— Знаю.

Все, кажется, уже знали.

— Ты из слободы?

Он покачал головой.

— С караульной дороги.

— Один?

Он кивнул.

Лиара заставила себя не задавать сразу тот десяток вопросов, который поднялся в голове. Почему ребёнок один ночью? Кто его отпустил? От кого он бежит? Почему смотрит на башню так, будто она сейчас сорвётся с места?

— Ты боишься маяка?

Мальчик прижал сломанного дракона крепче.

— Не маяка.

— А чего?

Он посмотрел на небо.

Лиара тоже подняла голову.

Сначала она ничего не увидела.

Потом по звёздам прошла тень.

Большая.

Крылатая.

Не настоящая, поняла она через миг. Слишком размытая. Слишком бесшумная. Тень дракона скользнула над башней и исчезла в темноте, будто её соткали из страха, а не из плоти.

Мальчик зажал рот ладонью.

Лиара медленно выдохнула.

— Ты видишь их часто?

Он кивнул.

— После того как Чёрное Пламя погасло, — прошептал он.

Лиара замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Все драконьи дороги знают. Печати треснули. Стражники говорили. Я слышал.

Он вдруг шагнул к воротам, но остановился, будто невидимая граница не пускала его.

— Они придут сюда?

— Кто?

— Драконы, которые потеряли огонь.

Лиара сжала осколок в руке.

Она не знала ответа.

И снова не стала лгать.

— Возможно.

Мальчик закрыл глаза.

— Тогда я не могу вернуться. Я вижу их раньше других. А когда говорю, взрослые злятся.

— Как тебя зовут?

Он молчал долго.

Потом сказал:

— Нел.

Лиара посмотрела на ворота.

— Нел, ты можешь войти во двор. Не обязан в дом, если не хочешь. Но у нас есть огонь, еда и место у стены, где не дует.

Он открыл глаза.

— А драконов туда пустите?

Лиара подумала о Каэле. О его страхе, мелькнувшем в Совете слишком поздно. О погасшей чаше. О серебряном луче, поднявшемся к югу.

— Только если постучат, — сказала она.

Нел моргнул.

Потом, к её удивлению, сделал шаг вперёд.

На утро Серебряный Огонь проснулся уже не пустым.

К завтраку за столом сидели Мира, Тан, Майра, Лисса и Нел. Мальчик держался ближе к стене и вздрагивал при каждом громком звуке, но от каши не отказался. Рив и Оллен прибежали с Бореном и сразу начали выпрашивать подробности о ночной драконьей тени. Фарлина принесла бочки и заявила, что нормальный дом начинается не с клятв, а с воды. Агна привела Норру.

Норра оказалась высокой жилистой женщиной с седыми косами, суровым лицом и тростью, которой она пользовалась не как опорой, а как способом указывать миру его ошибки.

— Где хозяйка? — спросила она, войдя в зал.

Лиара поднялась.

— Здесь.

Норра осмотрела её с ног до головы.

— Слишком молодая.

— Для чего?

— Для маяка.

— Он старый. В среднем получится как раз.

Борен кашлянул, пряча смех.

Норра посмотрела на него так, что он сразу стал серьёзным.

— Вы поднимались в башню?

— Нет.

— Умнее, чем выглядите.

— Сегодня все особенно щедры.

— Щедрость — порок юга. Север говорит, что видит.

Норра прошла к лестнице, положила ладонь на перила и закрыла глаза.

В зале стало тихо.

Даже дети перестали шевелиться.

Старая смотрительница стояла долго. Потом открыла глаза.

— Он проснулся не полностью.

Лиара подошла ближе.

— Маяк?

— Огонь. Маяк проснулся, когда вы открыли ворота. Огонь — когда вы не отдали детей. Это разные вещи.

Мира побледнела.

— Вы знаете?

— В слободе знают всё, что происходит ночью, если оно достаточно громкое, — сказала Норра. — А ваш страх, девочка, был слышен до причала.

Майра притянула Лиссу к себе.

Нел опустил голову.

Лиара спросила:

— Вы работали здесь раньше?

— Я ходила по этим лестницам двадцать лет. Зажигала нижние отражатели, чистила линзы, закрывала штормовые створки, следила, чтобы смотрители не пили у верхнего огня и не ввалили дому. Потом огонь погас. Смотрители ушли. Я осталась в слободе, потому что старые ноги не любят дальних дорог.

— Вы поможете мне?

Норра посмотрела на неё.

— Вы платите?

Лиара не стала обижаться.

— Немного. Пока. Едой, местом и тем, что смогу выручить за украшения. Позже — больше, если дом встанет на ноги.

— Дом не встаёт на ноги. Дом стоит на фундаменте.

— Тогда помогите мне понять, где он треснул.

Норра кивнула.

— Хороший ответ.

Так в Серебряном Огне появилась смотрительница лестниц.

К полудню Лиара продала второе украшение — серьги с мелкими жемчужинами. Купила доски, мешок крупы, две бочки, плотную ткань, тёплые чулки для детей и несколько свечей. Деньги таяли быстрее, чем лёд на кухонной крыше. Каждый раз, отдавая монету, она чувствовала, как сжимается внутри расчёт: сколько дней они смогут есть, сколько стоит работа Борена, сколько понадобится на крышу, чем платить Норре, что делать, если Рован вернётся не с тремя людьми, а с десятью.

Сильной быть было дорого.

Не красиво.

Не вдохновляюще.

Дорого, холодно и с постоянным ощущением, что завтра не хватит чего-нибудь важного.

К вечеру в маяке устроили мастерскую.

Это была бывшая боковая комната рядом с кухней, где раньше, по словам Норры, хранили запасные фитили, полировальные ткани и штормовые фонари. Теперь Лиара распорядилась вынести оттуда сломанные ящики, протереть столы и поставить лавки. Майра разложила иглы, нитки, куски ткани. Фарлина принесла старую прялку, которая скрипела почти как ворота, но всё ещё работала. Мира сразу села помогать. Норра заявила, что дети должны не только работать, но и учиться читать маячные знаки, иначе вырастут “с глазами, но без понимания”.

— А вы умеете учить? — спросила Лиара.

— Нет.

— Тогда почему предлагаете?

— Потому что умею заставлять слушать.

— Это не одно и то же.

Норра посмотрела на неё с уважением.

— Возможно, вы проживёте здесь дольше недели.

Сена бы точно полюбила эту женщину, подумала Лиара.

Мысль о Сене ударила неожиданно.

Старая няня осталась далеко — не в замке, нет, Сена ушла из Рейваров раньше, когда Велория решила, что “старая привязанность мешает Лиаре принять новый дом”. Лиара тогда пыталась возразить. Каэл сказал, что спор из-за прислуги унизит её перед матерью.

Прислуга.

Сена, которая держала её на руках после смерти матери. Сена, которая учила её завязывать шнурки, ругаться про себя и не бояться грозы.

Лиара закрыла глаза.

Одно дело — потерять то, что было украдено вчера. Другое — вдруг понять, сколько всего у тебя отнимали постепенно, под видом порядка.

— Вам плохо? — спросила Майра тихо.

Лиара открыла глаза.

— Нет. Просто вспомнила кое-кого.

— Из замка?

— Из жизни до него.

Майра понимающе кивнула и не стала спрашивать дальше.

За это Лиара была ей благодарна.

К ночи первый день восстановления закончился тем, что Серебряный Огонь перестал быть проклятой развалиной в глазах тех, кто внутри.

Снаружи — другое дело.

У ворот нашли знак Рована.

Чёрную башню, вырезанную ножом на столбе.

Борен обнаружил её, когда шёл закрывать створки.

— Предупреждение, — сказал он.

Мира побелела.

Нел забился в угол. Лисса заплакала. Тан подошёл к воротам и долго смотрел на резьбу, потом поднял с земли острый камешек.

— Не надо, — сказала Лиара.

Мальчик замер.

— Не стирать? — перевела Мира.

— Не так.

Лиара вышла к столбу.

Чёрная башня была вырезана грубо, глубоко. Знак владения. Знак угрозы. Рован говорил: я знаю, что здесь. Я вернусь.

Она могла приказать выскоблить его.

Но столб останется раненым.

И все будут знать, что под царапинами всё равно чужая метка.

— Борен, у вас есть доска?

— У меня всегда есть доска. Это болезнь.

— Хорошо. Прибейте поверх.

— Что написать?

Лиара посмотрела на детей за спиной.

На Миру, которая сжала руку Тана.

На Нела, который дрожал от драконьих теней.

На Майру с Лиссой.

На Норру, Агну, Фарлину, Рива и Оллена, которые не уходили, хотя могли бы.

Она вдруг поняла первое настоящее правило этого места.

— Напишите: “Здесь спрашивают голос того, за кем пришли”.

Борен молчал несколько мгновений.

Потом кивнул.

— Длинно.

— Справитесь?

— Я плотник, не поэт. Но попробую.

Он вырезал медленно. Буквы вышли кривые, суровые, зато честные. Когда доску прибили поверх знака Рована, маяк тихо скрипнул — не тревожно, а будто одобрительно.

Норра прислушалась.

— Принял.

— Дом? — спросила Лиара.

— Порог.

— У порога есть мнение?

— У хорошего — всегда.

Лиара почти рассмеялась.

Поздно ночью она всё-таки открыла письмо отца.

Не полностью.

Только первую строку.

Сидя у камина, пока остальные спали, она сломала печать и развернула пожелтевшую бумагу. Почерк Арвена Эйвена был таким знакомым, что сердце на миг забыло, как биться.

“Лиа, если ты читаешь это письмо в Серебряном Огне, значит, драконы уже назвали твою правду слабостью...”

Дальше читать она не смогла.

Не потому, что не хотела.

Потому что в этот миг далеко на юге, в замке Рейваров, погасшая чаша попыталась загореться снова.

Каэл Ардан Рейвар не спал вторую ночь.

В замке говорили тихо.

Слишком тихо.

После того как Чёрное Пламя погасло, тишина стала не признаком порядка, а страхом, натянутым на стены. Слуги ходили мягче обычного. Стражи у дверей не смотрели в сторону родового зала. Даже драконьи гербы на стенах казались темнее, будто алый камень в их глазах помутнел.

Каэл стоял перед чашей.

Пустой.

Невозможной.

Той самой чашей, которая горела, когда род Рейваров терял земли, заключал союзы, хоронил глав, принимал наследников, переживал войны, шторма и клятвопреступления. Она должна была гореть всегда.

Но Лиара вышла из зала.

И огонь ушёл за ней.

Нет.

Каэл сжал пальцы на краю каменного постамента.

Это невозможно.

Связь была мертва. Старшие проверили. Даррон Вейл сам держал чашу. Велория сказала, что слабая ветвь Эйвенов истощилась и тянет род вниз. Печати подтверждали повреждение. Брачный браслет Лиары остыл задолго до суда.

Значит, огонь не мог уйти за ней.

Значит, это совпадение.

Он повторял это себе с момента, когда тьма накрыла зал.

Совпадение.

Но дракон внутри молчал.

Не рычал, не спорил, не требовал лететь. Просто молчал так тяжело, будто Каэл запер его под камнем.

За спиной открылась дверь.

— Ты опять здесь, — сказала Велория.

Каэл не обернулся.

— Огонь не вернулся.

— Вернётся.

— Когда?

— Когда родовой круг будет очищен от потрясения.

— Так это теперь называется?

Велория подошла ближе. Её шаги по чёрному камню звучали ровно. Она умела даже тревогу носить как украшение, тщательно подобранное к платью.

— Лиара произнесла сильную отказную формулу. Чаша отреагировала на разрыв. Такое случалось в малых родах.

— Не у Рейваров.

— У Рейваров многое случается впервые, когда мужчины начинают сомневаться после решения.

Каэл резко повернулся.

— Ты знала, что ключ откликнется?

Велория замерла.

Мгновение.

Всего мгновение.

Но он был драконом. Он видел движение крови под кожей, слышал слишком короткий вдох, чувствовал, как страх меняет запах воздуха.

— Какой ключ? — спросила она.

Каэл медленно выпрямился.

— Не играй со мной.

— Я твоя мать.

— Тогда ответь как мать, а не как старейшина без кресла в Совете. Ты знала, что маяк связан с её кровью?

Велория посмотрела на пустую чашу.

— Арвен Эйвен оставил дочери наследство. Это было известно.

— Я спрашиваю не об архивной строке.

— Тогда спрашивай Даррона.

— Я спрашиваю тебя.

Впервые за много лет между ними встало не уважение и не привычка подчинения, а что-то острое, почти чужое. Каэл всегда знал, что Велория жёсткая. Знал, что она умеет видеть слабые места людей и закрывать их железом. Но до вчерашнего дня он верил: всё, что она делает, служит роду.

Теперь род стоял без огня.

И все прежние ответы звучали иначе.

— Не ищи вины там, где её нет, — сказала Велория.

— А где она есть?

— В слабой клятве.

— Её больше нет. Почему же огонь не вернулся?

Велория молчала.

Это молчание было хуже ответа.

Каэл отвернулся к чаше.

На её дне вдруг вспыхнула искра.

Маленькая.

Чёрная у основания, алая по краю.

Он шагнул ближе.

Искра дрогнула, вытянулась, словно пыталась подняться. Воздух в зале стал горячее.

Каэл почувствовал, как дракон внутри него наконец шевельнулся.

Потом искра стала серебряной.

Не алой.

Не чёрной.

Серебряной.

И погасла.

Велория резко вдохнула.

— Что это было? — спросил Каэл.

Она не ответила.

За дверью раздался стук.

Не слуга. Слишком быстрый. Слишком неровный.

— Войдите, — бросил Каэл.

На пороге появился управляющий замка, бледный до серости.

— Милорд... родовые печати в западной галерее треснули.

Велория повернулась к нему так резко, что он отступил.

— Какие именно?

— Печати брачных архивов. И детской ветви.

Каэл почувствовал холод под рёбрами.

— Эллиан?

— В своих покоях, милорд. Но он...

— Что?

Управляющий сглотнул.

— Он больше не отвечает.

Каэл уже шёл.

Не помнил, как пересёк коридор, как поднялся по лестнице, как миновал стражу. Замок, который всегда был продолжением его власти, внезапно стал слишком длинным, слишком тёмным, слишком полным закрытых дверей.

Комнаты Эллиана находились в восточном крыле.

Раньше Лиара часто сидела там с мальчиком.

Каэл сам разрешил. Потом сам же позволил Велории ограничить её визиты, когда старшие сказали, что повреждённая связь Лиары может тревожить детский огонь.

Эллиан после этого стал тише.

Каэл называл это взрослением.

Теперь воспоминание ударило так сильно, что он едва не остановился.

Дверь в детскую была открыта.

Эллиан сидел у окна.

Маленький, худой, в ночной рубашке, с тёмными волосами, такими похожими на каэловы. На коленях у него лежал деревянный дракон с одним крылом — игрушка, которую ему когда-то подарила Лиара. Каэл помнил этот день смутно: она сама вырезала игрушку плохо, крыло вышло неровным, но Эллиан почему-то полюбил именно её больше дорогих механических зверей из столицы.

— Эллиан, — сказал Каэл.

Мальчик не повернулся.

У окна было темно. За стеклом лежал юг, горы, родовые земли Рейваров. Но Эллиан смотрел не туда.

Он смотрел на север.

— Сын.

Тишина.

Каэл подошёл ближе и опустился рядом.

Он редко опускался перед кем-то на колено. Даже перед ребёнком. Даже перед собственным. В их доме детей учили смотреть вверх, чтобы помнить высоту рода.

Сейчас это показалось ему жестоким.

— Эллиан, посмотри на меня.

Мальчик медленно повернул голову.

Его глаза были сухими.

Но в них было что-то хуже слёз.

— Что ты видел? — спросил Каэл.

Эллиан молчал.

— Тебе страшно?

Молчание.

Каэл протянул руку к его плечу.

Эллиан не отшатнулся.

Но застыл так, что Каэл убрал руку сам.

— Хорошо, — сказал он хрипло. — Не буду.

Мальчик опустил взгляд на деревянного дракона и провёл пальцем по сломанному крылу.

— Это из-за огня? — спросил Каэл.

Эллиан молчал.

За спиной тихо вошла Велория.

— Он упрямится.

Каэл не обернулся.

— Выйди.

— Каэл...

— Выйди.

Тишина.

Потом шаги матери удалились.

Эллиан поднял глаза.

Каэл впервые увидел в них удивление.

— Я не знаю, что происходит, — сказал Каэл тихо. — Но хочу понять. Если ты не хочешь говорить, не говори. Я буду рядом.

Слова давались трудно.

Не потому, что были сложными.

Потому что никто не учил его быть рядом без приказа.

Эллиан смотрел на него долго.

Потом повернулся к окну.

На стекле снаружи отразилась серебряная точка.

Далёкая.
Невозможная.
Каэл тоже увидел её.
Север.
Маяк.
Эллиан поднял руку и коснулся холодного стекла.
Губы его дрогнули.
Каэл задержал дыхание.
Мальчик произнёс одно слово.
Первое за долгие часы.
Тихое.
Ясное.
Страшное для всего рода Рейваров.
— Лиара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.